

Путь к себе

Георгий Абрамов

Георгий Абрамов

Путь к себе

<https://litres.ru/73836322>

SelfPub; 2026

Аннотация

Испытания меняют нас. Иногда они ломают. Иногда — открывают то, о чём мы и не подозревали.

Эта книга — собрание человеческих судеб, в каждой из которых есть момент истины: когда нужно решить — сдаться или идти дальше. Когда прошлое больше не держит, а будущее зависит только от одного шага — шага к себе.

«Путь к себе через испытания» — для тех, кто готов узнать, на что действительно способен.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Георгий Абрамов

Путь к себе

Это история о взрослении в сложных условиях, когда каждый день — испытание. Главный герой сталкивается с трудностями: семейными конфликтами, общественным непониманием и внутренними противоречиями, разрывающими его между добром и злом. Ему приходится переживать болезненные утраты, горькие разочарования и моменты, когда кажется, что тьма поглотит его душу. Но именно в самых отчаянных обстоятельствах он находит в себе силы, учится видеть свет в каждом проявлении доброты и находит мужество идти вперёд.

От автора

Ты задумываешься: а что, если наша жизнь — это и есть та самая книга? И все кошмары, что происходят с нами, — это просто главы, которые кто-то давно написал. А мы просто читаем их, проживая.

Сначала этого не замечаешь. Кажется, что ты решаешь, куда идти, что сказать, как поступить. Но потом начинаешь замечать невидимые строки.

Говоришь что-то — и вдруг осознаёшь: это уже было. Не в памяти, а глубже, как будто повторил чужую фразу. Выбираешь дорогу — и она ведёт туда, куда должна. Встречаешь людей — и их слова, поступки складываются в сюжет, кото-

рый сочинил не ты.

Пытаешься вырваться. Говоришь себе: «Сам решу!» Делаешь шаг в сторону, пробуешь что-то неожиданное. Но мир мягко, но неумолимо направляет тебя обратно.

И тогда приходит мысль: всё уже написано.

Не со зла, не с умыслом. Просто так устроено. Есть невидимый автор, водящий пером, а мы — персонажи, уверенные, что пишем свою историю.

Смеёмся, плачем, любим, спорим, боремся. Всё это выглядит как выбор. Но если замедлиться и вслушаться, то можно уловить ритм чужого повествования.

А может, мы всё-таки можем переписать хотя бы строчку?

Сидя у окна, я ощущаю гармонию. Это мой мир, мой момент, моя тишина.

Глава 1

В городе Иркутске, среди привычных улиц и домов, живёт семья. Для меня они — настоящие герои. Нет, они не носят плащи и не спасают мир от злодеев. Их подвиги куда более приземлённые, но от этого не менее значимые. Это мои родители.

Моя мама — крановщик. Каждое утро, когда город только просыпается, она уже на своём рабочем месте — в кабине огромной машины, парящей высоко над землёй. Её руки, крепкие и уверенные, ловко управляют рычагами, поднимая в воздух то, что другим кажется неподъёмным. Её взгляд, сосредоточенный и внимательный, ни на секунду не отрывается от груза, который доверен её машине. Она знает, что от её ответственности и точности действий зависит не только производственный процесс, но и безопасность людей. В её работе, казалось бы, столько металла и грохота, но я вижу в ней не просто работника, а настоящего архитектора, который строит будущее, поднимая на новый уровень всё, что требует её мастерства.

А папа — стропальщик. Его задача — подготовить этот самый груз к полёту, надёжно закрепить, чтобы он не сорвался в самый неподходящий момент. Когда он говорит о своей работе, его лицо всегда озаряет улыбка. Он объясняет, что быть стропальщиком — значит быть не только сильным, но

и ювелирно аккуратным. Он научил меня самому главному: любая работа, какой бы тяжёлой или незаметной она ни казалась, может стать захватывающим приключением, если вложить в неё душу. Я смотрю на него и вижу, как он легко и уверенно справляется с задачами, требующими не только физической подготовки, но и острого ума и недюжинного терпения.

Я горжусь ими безмерно. Горжусь тем, что они честно трудятся на заводе, внося свой вклад в жизнь города. Горжусь и тем, что, возвращаясь домой, они не превращаются в уставших работяг, а остаются любящими родителями. Они — наши главные защитники, наши ангелы-хранители. Они делают всё, чтобы в нашем доме всегда царили тепло, уют и счастье.

Каждый день для меня — это урок. Урок силы, стойкости, ответственности. И конечно, любви. Я благодарен родителям за ту любовь, которая окружает меня. И за пример, который они подают: пример честного труда и любви к своей семье. Эти люди — герои моего Иркутска. И я счастлив быть их сыном.

В те мгновения, когда папа берёт тебя на руки, а мама смеётся, мир кажется простым и ясным, а всё внутри наполняется тёплым, пульсирующим светом. Это не просто радость — это уверенность: меня любят, я в безопасности, всё правильно. Каждый смех, каждое шутовское прикосновение создаёт невидимый щит, за которым можно быть собой: шум-

ным, неуклюжим, восторженным. Время словно замедляется, и в этом замедлении самое ценное — чувство, что ты нужен таким, какой есть.

Я помню, как наш дом наполнялся радостью и весельем. Как в тот день, когда я, старший брат, и моя младшая сестра Лида решили немного порезвиться. Мы забрались на диван и начали прыгать, как на батуте. Папа и мама с улыбкой наблюдали за нами. Папа предложил подкинуть нас вверх, чтобы мы почувствовали себя космонавтами. Лида с радостью согласилась, и папа осторожно поднял её в воздух. Она засмеялась так громко, что я тоже не смог сдержать улыбки.

Когда очередь дошла до меня, я немного занервничал, но папа заверил, что всё будет хорошо. Он крепко схватил меня за руки и подбросил вверх. Я почувствовал, как воздух обволакивает моё тело, и на миг показалось, что я парю в невесомости. Это было потрясающее ощущение! Мы с Лидой продолжали прыгать и смеяться, а папа горделиво смотрел на нас. И так мы смеялись, пока не заболели животики, но даже тогда не перестали улыбаться.

— Дети, — начал отец мягким, словно шелест осенних листьев, голосом. — Ваши имена — это не просто звуки. Это частичка нашей семьи, память о тех, кто был до нас.

Он посмотрел на сестру.

— Ты, Лида, носишь имя моей мамы. Я всегда любил её за доброту и умение находить свет в самые тёмные дни. Она была как ангел, готовый помочь. Я хотел, чтобы этот свет и

доброта жили в тебе.

Затем он обратился ко мне:

— Ты, Гоша, получил имя моего отца. Дедушка Георгий был крепким, надёжным человеком. Он умел работать руками, знал цену труду и не отступал перед трудностями. Я хотел, чтобы его сила и стойкость передались тебе. Чтобы ты знал, что можешь справиться с любыми испытаниями. — Его голос дрогнул, словно камень, упавший в тихий пруд. — Мне было всего шесть, когда я потерял отца. А в двенадцать — маму. Остаться одному с братом было тяжело.

— Папа, а где твой брат? Ты о нём раньше не рассказывал, — спросил я, стараясь говорить непринуждённо.

После затяжной паузы, наполненной невысказанной печалью, он ответил:

— Он... он сейчас в тюрьме, сынок.

Эти слова не просто сообщали мне информацию, они открывали дверь в историю, полную боли и сожалений. Мой отец, как выяснилось, тоже имел в своей жизни тёмные страницы. Может быть, оттуда и пошло его пристрастие к алкоголю. Водка обещает заглушить боль, но на самом деле только усугубляет её, затягивая в водоворот саморазрушения.

У отца на теле было множество наколок, как будто карта его прошлого. Он тоже когда-то сидел в тюрьме, и само слово «срок» всегда ассоциировалось у меня с этими татуировками. Каждый раз, глядя на них, я думал о том, сколько семей разрушено, сколько судеб загублено из-за азартных игр.

Деньги тоже не приносят счастья — они могут стать золотой клеткой и лишить человека человечности.

Я знал, что означали многие из этих рисунков. Вот нож — символ разочарования, обиды и гнева. Он может привести к непоправимому. А надпись «Что это нас губит» не была обвинением — скорее горьким осознанием. Она напоминала человеку о тонкой грани между удовольствием и гибелью. Я думаю, те, кто носил эту надпись, не раз сталкивались с последствиями своих поступков, и татуировка словно говорила: «Помни. Не сдавайся. Ты сильнее».

Эти наколки были молчаливыми свидетелями, напоминанием о том, что жизнь не так проста, как кажется.

Мы с Лидой были, казалось бы, обычными братом и сестрой, но между нами существовало нечто большее, чем просто родство — невидимая нить доверия, сплетённая из общих секретов, смеха и, конечно же, защиты. Она была моей тенью, моим маленьким эхом, которое всегда следовало за мной, куда бы я ни отправился. Я помню, как она, ещё совсем кроха, с широко распахнутыми глазами смотрела на меня, словно я был её личным супергероем. И в какой-то степени я им был. Наш двор был не только игровой площадкой, но порой и полем битвы. Среди детей, которые беззаботно носились по двору, находились и те, чьи слова могли ранить, а поступки — обидеть. И моя сестрёнка, будучи младше и, быть может, чувствительнее, иногда становилась мишенью их злых шуток.

Я никогда не забуду её нежный голосок, который, дрожа от обиды, произносил моё имя. Это был сигнал. Сигнал, который мгновенно пробуждал во мне что-то первобытное, что-то, что заставляло забыть обо всём на свете, кроме её слёз. «Братик!» — слышал я издалека, и моё сердце сжималось. Я оборачивался, видел её, идущую ко мне с надутыми губками и блестящими от непролитых слёз глазами. Она никогда не кричала, никогда не жаловалась громко. Она просто подбегала, прижималась ко мне и тихо, но отчётливо говорила: «Меня... он обидел». И в этот момент мир для меня сужался до её маленькой фигурки. Оставались только она, её обидчик и моё твёрдое намерение восстановить справедливость.

Я не был самым сильным мальчишкой в округе, но когда дело касалось моей сестры, я чувствовал в себе силу медведя. Я не помню всех деталей тех стычек. Иногда это были просто строгие слова, которые я обрушивал на обидчика. Иногда — более решительные действия, когда я вставал между Лидой и тем, кто посмел причинить ей боль. Но всегда, всегда я был там. Я был её щитом, её голосом, её крепостью. И что самое главное — она знала это. Она знала, что может мне довериться. Знала, что я не оставлю её в беде. Это доверие было драгоценным, оно было нашей общей тайной, нашим невидимым договором. Когда она шла ко мне, чтобы рассказать о своей беде, она не сомневалась, что получит не только защиту, но и понимание. Я не смеялся над её слеза-

ми, не говорил, что это мелочь. Я видел её боль и хотел эту боль унять. Такие моменты, когда я вступался за неё, были для меня не просто проявлением братских чувств. Это было осознание ответственности, это было рождение настоящего мужчины. И каждый раз, когда я видел, как лицо сестрёнки расплывается в благодарной улыбке, после того как я «разбирался» с обидчиком, я чувствовал себя не просто старшим братом, а настоящим защитником.

Я хорошо помню тот первый снег, когда я проснулся утром — и не поверил глазам: за окном всё белым-бело. Мир словно накрыло пушистым одеялом, а воздух наполнился необычайной, почти волшебной тишиной. От радости я вскочил с кровати и тут же крикнул Лиде:

— Собирайся! Поедем кататься на горках!

Быстро оделся, схватил с балкона санки и выбежал на улицу. Лиде не заставила себя ждать: через минуту она уже стояла рядом, сияя от предвкушения.

Горка находилась неподалёку. Снег падал большими мягкими хлопьями, словно кто-то сверху рассыпал сахарную пудру. Я вскочил на санки, Лиде устроилась сверху — и мы с весёлым визгом помчались вниз! Но в самом низу нас ждал сюрприз: там оказалось небольшое болото, припорошённое снегом. Не успели мы опомниться, как плюхнулись прямо в него! А выбравшись, поняли: одежда промокла насквозь. По лицам стекали холодные капли. Я схватил сестру за руку, и мы бегом бросились домой.

Когда мы ввалились в квартиру, вид у нас был ещё тот: мокрые, грязные, с прилипшими к щекам снежинками. Но несмотря на это, мы смеялись. Ведь это было настоящее приключение — моё первое знакомство с зимой.

Бывало, что за шалости младшей сестры доставалось мне. Мама или папа, видя её испуганные глаза, наказывали меня как старшего, чтобы она не расстраивалась. Я, конечно, обижался, но в глубине души понимал: это просто такой способ защитить её, даже если это и несправедливо по отношению ко мне.

Однако с каждым днём это едва уловимое, но от этого не менее реальное различие ощущалось всё сильнее. Раньше я не обращал на него внимания. Или, может быть, просто не хотел замечать. Но когда я стал старше, когда начал видеть мир более ясно, разница стала очевидной: отец любил мою сестру больше. Это проявлялось в мелочах, которые тем не менее складывались в чёткую картину. Он мог часами рассказывать о её достижениях, о её талантах, о её красоте. Его улыбка становилась шире, голос — теплее, а в глазах появлялось то нежное сияние, которое я видел лишь мельком, когда речь заходила обо мне. Мои успехи, какими бы значительными они ни были, часто оставались без должного внимания. «Молодец», — бросал отец, иногда даже не отрываясь от своих дел. Или, что хуже, сравнивая: «Вот сестра твоя — она тоже хорошо учится, но ты мог бы ещё постараться». Это сравнение было обиднее всего. Оно не просто умаляло

мои достижения — оно подрывало саму мою ценность в его глазах.

Когда сестра болела, он превращался в самого заботливого отца на свете. Он сидел у её постели, читал ей, готовил её любимые блюда, отменял все свои планы. Его подарки для неё были более продуманными, более дорогими, более желанными. Он знал, чего она хочет, он видел её восторженные взгляды, когда она получала желаемое. Я же словно проглатывал горькую пилюлю каждый раз, когда видел это.

Когда я слышал, как за дверью смеются, а папа приветствует гостей, моё сердце сжималось. Это были папины друзья, которые всегда приходили с шутками, историями и, что самое главное, с вниманием. Я знал, что произойдёт дальше. Дверь моей комнаты, обычно надёжно закрытая, вскоре распахнётся. И появится она — моя младшая сестра. Её звонкий смех, её невинные глазки, полные любопытства, будут маяком, который неизбежно приведёт её прямо в эпицентр мужской компании. Там, в гостиной, она становилась центром Вселенной. Папины друзья, забыв о своих делах, склонялись над ней, рассказывали ей смешные истории, показывали фокусы, а иногда даже делились угощениями, которые им приносили. Она, в свою очередь, расцветала под их вниманием, её щёчки розовели, а смех становился ещё звонче.

А я? Я сидел в своей комнате, за закрытой дверью. В моей комнате было тихо. Я мог слушать их смех, их голоса, но они казались такими далёкими, словно принадлежали дру-

гому миру. Миру, где не было закрытых дверей и одиноких наблюдателей. Я представлял себе, как было бы здорово оказаться там, как бы я тоже участвовал в разговоре, тоже смеялся над шутками.

Но я не был там. Я был здесь, в своей комнате, со своими мыслями, раз за разом напоминающими мне о моей отчуждённости. И каждый раз, когда дверь моей комнаты распахивалась и я видел её, сияющую в лучах чужого внимания, мне приходилось снова и снова проглатывать эту пилюлю, надеясь, что когда-нибудь она перестанет быть такой горькой.

Иногда я подходил к щели в занавеске, чтобы краешком глаза увидеть эту сцену. Увидеть, как она, моя маленькая беззаботная сестра, купается в лучах внимания этой мужской компании, которого я так жаждал.

Да, каждый такой момент был для меня как горькая пилюля. Я глотал её, чувствуя, как она царапает горло, как оставляет неприятный привкус. Это была не зависть к сестре, нет. Это была скорее тоска по тому, чего у меня не было. Жгучее желание быть частью общества, чтобы меня тоже заметили, чтобы кто-то, кроме родителей, обратил на меня такое же искреннее внимание.

Время шло, приближался мой день рождения. Это было одно из самых радостных ожиданий в моей жизни. Родители, как всегда, спросили:

— А что бы ты хотел в подарок?

В моей голове уже давно поселилась заветная мечта, и я

не задумываясь выпалил:

— Собаку!

Родители, кажется, были удивлены, но в их глазах заблестели какие-то особенные искорки. Я не знал, выполнят ли они мою просьбу, но надежда теплилась в сердце.

И вот настал тот самый день. Вместо привычного пакета с игрушками или одеждой мне вручили коробку. Но это была не просто коробка — она шевелилась и тихонько попискивала! Когда я открыл крышку, моё сердце буквально подпрыгнуло от восторга. Там, свернувшись клубочком, дремало маленькое пушистое существо. Его шёрстка была тёплого, солнечного оттенка — именно такого, каким бывает спелый абрикос или осенняя листва. Цвет был настолько ярким и насыщенным, что имя пришло само собой, мгновенно и безоговорочно.

— Рыжик! — выдохнул я, и маленький щенок, услышав своё новое имя, поднял голову и робко вильнул хвостом.

С того дня Рыжик стал неотъемлемой частью моей жизни. Мы вместе познавали мир, он рос, превращаясь из неуклюжего щенка в статного, энергичного пса, а я становился старше и мудрее. Его рыжая шерсть всегда напоминала мне о том, как осуществилась моя самая большая мечта, и о любви моих родителей, которые подарили мне не просто питомца, а настоящего верного друга.

Как всё меняется в один миг... Теперь, стоя на краю, я

чувствую, как боль, преодолев время и обстоятельства, накатывает с утроенной силой. Я мысленно возвращаюсь обратно в те дни.

Тихий вечер в детском саду. Группы пустеют: одни дети с радостью бегут к родителям, другие неохотно собирают игрушки, понимая, что пора домой. В младшей группе остаётся только один мальчик — Гоша. Он сидит у окна на маленькой скамейке, крепко сжимая плюшевого зайца, которого мама дала ему утром «на удачу». Этот мальчик — я.

Я смотрю на дверь, ожидая, что вот-вот раздастся знакомый голос: «Гошечка, идём!» Но вместо этого — тишина. Воспитательница, собирая игрушки, бросает мимоходом:

— Родители скоро придут, не переживай.

Я киваю, но внутри уже шевелится тревожный комочек: почему так долго? Остальные дети давно ушли.

Часы на стене тикают оглушительно громко. Я встаю, подхожу к окну. Улица пуста. Ни маминой яркой куртки, ни папиной сумки через плечо. Я возвращаюсь к скамейке, сжимая зайца сильнее. Руки становятся влажными. В горле першит, как будто проглотил колючку.

— Они забыли меня, — шепчу я, и эта мысль, сначала робкая, разрастается до размеров вселенной.

Воспитательница уже выключила свет в игровой зоне, оставив лишь тусклую лампу у входа. Она время от времени поглядывает на меня, но молчит. Мне кажется, что она тоже боится. Или просто не знает, что сказать. Я представляю: а

вдруг мама и папа уехали? Вдруг решили, что я достаточно взрослый, чтобы остаться здесь навсегда? Эти мысли жгут глаза. Я тру их кулаками, но слёзы всё равно просачиваются сквозь пальцы.

Холод — не от температуры, а изнутри, как будто кто-то вынул из груди тёплое солнышко и оставил пустоту. «Почему меня не забрали? Наверное, я плохой». Каждую минуту я вздрагиваю от шума за дверью, ожидая услышать шаги, которые спасут меня.

Когда часы показывают уже почти семь вечера, дверь распахивается. В проёме — мама. Она бледная, глаза красные, но когда видит меня, то бросается ко мне так быстро, что чуть не сбивает с ног.

— Прости, прости, мой хороший!

Она прижимает меня к себе, и я чувствую, как её сердце бьётся так же часто, как и моё. Я не отвечаю. Только вцепляюсь в её куртку, вдыхая запах дома: аромат ванили от маминих духов и чего-то тёплого, что бывает только там. Страх отступает, но остаётся со мной.

Дождь начался внезапно: сначала редкие капли, потом сплошной серый занавес. Мама, не теряя ни секунды, хватается меня за руку:

— Бежим домой!

Рука мамы — тёплая, сильная, надёжная. Она крепко держит мою ладонь, будто боится потерять в этой серой пелене. Я едва успеваю перебирать ногами, но чувствую: пока я в её

руке — ничего плохого не случится. Ветер бьёт в лицо, капли стекают по щекам, но мне уже не страшно. Только немного щекотно и весело.

Топот ног по мокрым тротуарам. Шуршание дождевых струй о зонты и козырьки. Где-то вдали — приглушённый гул машин. А рядом — мамино дыхание, чуть сбивчивое, но ровное. Иногда она кричит: «Осторожно!» — и тянет меня за собой, обходя лужу или спешащего прохожего. Мимо проносятся размытые силуэты: жёлтые фонари, тёмные витрины, мокрые деревья, склонившиеся под ветром. Всё кажется волшебным и немного нереальным — как в кино.

Мама бежит быстро-быстро. Наверное, она очень хочет, чтобы мы не промокли. А если я устану, она поднимет меня на руки? Нет, я сам добегу. Я же большой. Рука немного вспотела от напряжения, но я ни за что не выпущу мамину ладонь. Прядь волос мамы выбилась из-под капюшона, и на ней уже блестят капли.

Вот и подъезд. Мама на секунду останавливается, чтобы перевести дух, а потом открывает дверь. Я запрыгиваю на коврик, топаю ногами, стряхивая воду, и смотрю на маму. Она улыбается, поправляет мне мокрые волосы и говорит:

— Молодец, бежал как настоящий спортсмен!

Я замираю на пороге... Опять.

Прихожая встречает удушающей тяжестью затхлого воздуха. На кухне — горы немытой посуды в раковине, пятна на столе, опрокинутая солонка, крошки, липкие разводы.

В комнате — раскрытые шкафы, вывалившаяся одежда, скомканные простыни, пустые бутылки под столом. Повсюду следы беспорядка: забытый стакан, окурки в пепельнице, перевёрнутый стул, пыль на полках. Свет включён, но горит как-то тускло, лампочка заляпана, абажур перекошен. Тяжёлое дыхание отца из соседней комнаты. Скрип пола под его шагами — неуверенными, шатающимися. Бормотание, то невнятное, то вдруг резкое, с раздражёнными интонациями. Звон стекла, если он задевает бутылку. Запах перегара, смешанный с затхлостью, заставляет сглотнуть и задержать дыхание.

Холодок в животе — знакомое противное ощущение тревоги. Напряжение в плечах: хочется сжаться, стать незаметным, проскользнуть в свою комнату и закрыть дверь.

Отец сидит в кресле ссутулившись, взгляд расфокусирован. То вдруг резко встаёт, что-то ищет, роняет, чертыхается. То замирает, уставившись в стену. Иногда оборачивается на меня — и в глазах то мутная пустота, то вспышка раздражения:

— Чего смотришь? Иди... Иди-ка сюда.

Мама, посмотрев на меня, говорит, чтобы я шёл к себе. Тихо закрыв дверь своей комнаты, я сажусь на кровать. Из комнаты доносятся голоса, я слышу, как родители ругаются. Обняв подушку, я жду. Жду, когда это закончится. Жду, когда станет тихо. Я сжимаю пальцы в кулаки, чтобы не дрожали. Страх — это холод в ладонях, сухость во рту, тяжесть в

груди. Это ощущение, будто мир вокруг стал чужим и больше не обещает безопасности. Я ненавидел дни, когда отец прикладывался к бутылке.

Как и многие дети, я просто горел желанием пойти в школу. Не могу сказать, что я знал точно, что меня там ждёт, но само слово «школа» звучало как обещание чего-то невероятного. Мне хотелось узнать всё на свете, разгадать все загадки, которые, как мне казалось, хранятся за школьными стенами. Это было предвкушение приключения, которое должно было начаться с первым звонком. Школа казалась мне порталом в мир взрослых, в мир удивительных открытий. Я представлял себе, как стану записывать мудрые слова учителя, решать сложные задачи и как среди всего этого найдутся верные, надёжные друзья, с которыми мы будем вместе познавать этот огромный мир. Я рисовал в своей голове сказку, полную волшебства и открытий, где каждый урок — увлекательное приключение, а школа — место, где мечты становятся явью. Я с нетерпением ждал этого момента, представляя себя юным исследователем, постигающим тайны Вселенной.

И вот этот долгожданный день наконец настал: первый класс! Реальность оказалась куда более прозаичной. Как только прозвенел первый звонок, моя радужные иллюзии начали медленно, но верно развеиваться. Вместо захватывающих приключений меня ждали строгие правила, тишина и, самое главное, учёба. Именно учёба стала тем камнем преткновения, о который я споткнулся. Предметы, которые ка-

зались такими загадочными и интересными издалека, оказались вовсе не лёгкими. Буквы нужно было складывать в слоги, слоги — в слова, а слова ещё и требовалось запомнить. Цифры, которые раньше казались просто игрушечными значками, теперь требовали осмысления и счёта. Мне стало трудно. Каждое задание, каждый пример, каждая новая тема давались с большим усилием. Моя детская фантазия, способная уносить меня в самые невероятные миры, никак не могла подружиться с жёсткой логикой учебников. Я чувствовал, как мои ожидания постепенно тают, уступая место разочарованию и усталости. Первый класс, который должен был стать началом сказки, превратился в настоящее испытание.

Более того, стенами школы дело не ограничивалось. Мой родной дом стал местом, где каждый вечер разворачивалась по-своему напряжённая драма. И главным элементом этой драмы, как ни крути, было домашнее задание. Я, признаюсь честно, не питал к нему никаких тёплых чувств. Скорее это было неизбежное зло, которое приходилось терпеть. Моя мама, человек, как мне казалось, с невероятным запасом энергии, относилась к учёбе с серьёзностью, граничащей с одержимостью. Каждый вечер, едва я переступал порог дома, начинался этот нескончаемый марафон: учебники, тетради, формулы, стихи. И если вдруг что-то не получалось, если мой детский мозг отказывался постигать неведомые ему тайны математики или грамматики, мама немедленно перехо-

дила в наступление. Её голос, обычно ласковый, становился резким, громким, полным разочарования. Крики разносились по квартире, и я, съёжившись, пытался спрятаться от этого потока обвинений и непонимания. Я чувствовал себя самым бездарным на свете, и от этого учиться становилось ещё сложнее.

Отец же был полной противоположностью. Он предпочитал держаться в стороне от этой учебной суматохи. Его мир находился где-то параллельно, он был занят своими делами, своими мыслями и редко вмешивался в мою учёбу, не проявляя ни восторга от моих успехов, ни неудовольствия от неудач. Для меня его безразличие тоже было своего рода испытанием. Хотелось, чтобы кто-то поддержал, успокоил, объяснил. Но отец был как неприступная крепость, не впускающая в свои стены эту школьную повседневность.

Дни в школе текли своим привычным чередом. Но однажды, словно яркая вспышка на сером фоне, в этом устоявшемся порядке появилась новая фигура. Его звали Игорь. Он был невысокого роста, с копной чёрных волос, которые вечно падали на лоб, придавая ему немного растерянный, но в то же время любопытный вид. Глаза у него были глубокие, голубые, и в них, казалось, отражался целый мир — мир, который он принёс с собой. На уроках Игорь был тих, но не молчалив. Он не стремился быть в центре внимания, однако, когда учитель задавал вопрос, его рука чаще всего тяну-

лась вверх. Ответы его были не всегда стандартными, иногда немного наивными, но всегда искренними. Он не боялся ошибиться, не боялся выглядеть глупо. Это его отличало от многих, кто предпочитал перестраховаться, оставаясь в тени.

Но вскоре Игорь начал находить своих. Это были не шумные заводи́лы, не те, кто привык командовать, а те, кто, как и он, отыскивал в школьной суете моменты для размышлений. Сначала это были робкие переглядывания, затем — короткие, неуверенные разговоры. Игорь умел слушать, по-настоящему слушать, и в его присутствии люди чувствовали внимание к себе. Он задавал вопросы, которые заставляли задуматься, делился наблюдениями, которые открывали новые грани привычного.

Он мог часами рассуждать о сюжете прочитанной книги, о тайнах Вселенной, о смысле жизни, который, казалось, был ему важнее, чем школьные отметки. Его идеи, порой наивные, порой гениальные, словно семена, падали в благодатную почву, прорастали и давали новые всходы. И постепенно, незаметно для себя многие начинали видеть мир глазами Игоря.

Его появление стало для меня не просто событием, а предвестником перемен. Он принёс с собой не только новые мысли и идеи, но и новую атмосферу — атмосферу искренности, любопытства и смелости быть собой. Игорь, этот новый друг, словно шёпот нового ветра пронёсся по школьным коридо-

рам, и в привычной, размеренной жизни стало чуть больше света, чуть больше глубины. Он не был похож на меня ни внешне, ни, казалось, внутренне. В этом-то и заключалась его особенность. Я, признаться, всегда был немного одиночкой. Не то чтобы я избегал людей, просто как-то само собой получалось, что мои интересы редко совпадали с интересами сверстников. Мои мысли часто уносились далеко — в мир книг, фантазий или сложных задач, которые я сам себе придумывал. А Игорь... Игорь был каким-то другим. В нём была энергия, неуёмный оптимизм, который, казалось, мог растопить любые льды. Он легко находил общий язык со всеми, его смех звенел по коридорам, а его высказывания, порой совершенно неожиданные, заставляли меня смотреть на мир под новым углом.

Мы начали общаться случайно. Может быть, столкнулись в библиотеке, или он заметил, как я сосредоточенно что-то черчу в тетради. Сперва это были короткие разговоры, потом совместные обеды в столовой, а затем и время после уроков. Я обнаружил, что рядом с ним мне легко. Не нужно притворяться, пытаться соответствовать чьим-то ожиданиям. Он принимал меня таким, какой я есть, и что самое удивительное — казалось, ему это нравилось. Игорь не осуждал мои увлечения, даже если они были ему не совсем понятны. Он с интересом слушал мои рассуждения, задавал вопросы, которые заставляли меня думать глубже. А я, в свою очередь, с восхищением наблюдал за его способностью легко и

непринуждённо взаимодействовать с миром, за его умением видеть хорошее даже в самых обычных вещах.

С каждым днём, проведённым вместе, я всё отчётливее понимал, что Игорь — это не просто друг. Я ловил себя на мысли, что хочу проводить с ним как можно больше времени, делиться с ним всем, что происходит в моей жизни. Мне хотелось, чтобы он всегда был рядом, чтобы мы могли вместе идти по жизни, поддерживая друг друга. Иногда, глядя на него, я чувствовал, как внутри меня рождается тихое, но очень сильное желание. Желание, которое было не просто мечтой о дружбе, а чем-то более глубоким. Я всегда хотел иметь брата. Человека, с которым у меня была бы не просто общая компания, а настоящая, нерушимая связь. Человека, который был бы моей опорой, моим вдохновением, с кем я мог бы разделить все радости и трудности жизни. И Игорь, сам того не зная, становился для меня таким братом.

В один из дней Игорь пригласил меня в гости. Первое, что мне бросилось в глаза в его доме, было изобилие книг. Я остановился, поражённый, и мысленно спросил себя: «Как он вообще со всем этим справляется? Как можно читать столько книг, да ещё и таких... огромных?» Некоторые из них выглядели так внушительно, что я невольно подумал: для того чтобы их одолеть, потребуется не просто свободное время, а целая жизнь. В них было что-то величественное, немного пугающее, но в то же время притягивающее. Я почувствовал себя маленьким среди этого моря знаний и исто-

рий.

Я заглянул в комнату Игоря и поразился. Всё лежало на своих местах, ни пылинки, ни соринки. Совершенно иначе, чем у меня, где вечный хаос и некоторая небрежность. Мне стало немного неловко за свою собственную неустроенность. Сравнивая его вещи со своими, я не мог не заметить разницы. У него всё было прибрано и выглядело аккуратно, в то время как у меня царил беспорядок.

Первая встреча с родителями Игоря оставила у меня самое тёплое впечатление. Они оказались невероятно дружелюбными и милыми людьми и сразу же сделали всё, чтобы я чувствовал себя как дома. Их доброта и открытость меня успокаивали.

Тем временем мой дом, каким я его знал, остался в прошлом. Вместо прежнего уюта в нём поселились ссоры, которые стали слишком громкими и слишком частыми. Напряжение нарастало, и оттого отец всё чаще находил утешение в алкоголе. То, что было домом, стало местом, где я чувствовал себя не лучшим образом...

Однажды на свой день рождения сестра сказала:

— Знаете, а я бы тоже хотела собаку.

Отец, услышав это, лишь загадочно улыбнулся и ответил:

— Есть одна на примете. Просто придётся немного подождать.

И добавил, что это будет лайка, которая сейчас живёт где-

то в тайге, но её привезут, как только вернётся друг.

Наконец долгожданный момент настал. Мы с сестрой, предвкушая появление нового члена семьи, буквально подпрыгивали от нетерпения. Когда дверь открылась, перед нами предстала не та стройная, угольно-чёрная лаечка, которую мы себе представляли. Она уже не была щенком. К нам выскочила взрослая, крепкая собака — Шельма. Её глаза были такими чёрными, что казались бусинками, а уши смешно торчали в разные стороны.

Этот день, начавшийся с радостного ожидания, закончился горьким привкусом. Чёрная лайка с закрученным хвостом была прекрасна, но дика. И в тот же день она оставила свой след не только на шерсти моего Рыжика, но и в наших воспоминаниях — как свидетельство того, что красота иногда может быть опасной.

В нашем дворе, обычно наполненном суетой и гомоном, появился один секрет, который заставлял его в одно мгновение преображаться. Этот секрет носил кличку Шельма. Наша лайка выходила на прогулку с весьма специфическим настроением. Едва слышный лязг замка, отдалённый лай — и вот уже по двору несётся стремительная тень. Её появление было подобно грому в ясную погоду: внезапное, громкое и непредсказуемое. И стоило Шельме появиться, как двор словно вымирал. Мальчишки, только что шумно гонявшие мяч, вдруг застывали, будто приклеенные к земле, их звонкий смех стихал. Старушки, дремавшие на лавочках, резко

открывали глаза и, не говоря ни слова, словно по невидимому сигналу, исчезали в своих подъездах. Даже нахальные голуби, всегда готовые рискнуть ради крошки хлеба, взмывали в небо с испуганным клёкотом. Казалось, сама атмосфера двора сжималась, становясь гуще и напряженнее. А Шельма, ничего этого не замечая или, быть может, наслаждаясь произведённым эффектом, продолжала свой триумфальный марш. Её взгляд, сосредоточенный и настороженный, скользил по сторонам, выискивая потенциальный объект своего внимания. И этот объект, как правило, был совсем ему не рад.

Шельма была... энергична. Настолько, что её энергия требовала весьма активных действий. У неё был особый талант — находить уязвимые места и использовать их. В её понимании мир был полон незваных гостей, и это обстоятельство нуждалось в решительной коррекции с её стороны. Если кто-то во дворе, будь то случайный прохожий, неосторожный кот или даже слишком настойчивая муха, осмеливался попасть в поле её зрения, Шельма была готова продемонстрировать свою «работу». Её погоня была стремительной, её лай — пронзительным, а её намерения — кристально ясными. Она не просто лаяла — она рычала. Рычала так, что казалось, будто воздух вокруг потрескивает от напряжения. В её глазах горел огонёк азарта, смешанного с первобытной решимостью. И если объект не успевал раствориться в тени подъезда или не проявлял должного уважения к её территории,

Шельма без колебаний пускала в ход свои острые зубы. Это не было злобой в привычном понимании. Это была скорее неуёмная, необузданная энергия, которая требовала выхода. И когда Шельма выходила гулять, весь двор знал: лучше не попадаться ей на пути. Потому что, даже если тебе удавалось избежать её клыков, ты наверняка уносил с собой яркое воспоминание о встрече с рычащей тенью, которая одним своим появлением могла превратить оживлённый двор в тихое, вымершее пространство.

Когда прошло некоторое время с момента появления в нашем доме Шельмы, стало ясно: они с Рыжиком нашли общий язык. Их дружба была не такой бурной, как можно было бы ожидать от двух собак, но она была искренней и глубокой. У них появились общие занятия, которые нравились обоим. Например, они могли часами лежать рядом на солнечном пятнышке у окна, словно два старых друга, делясь тишиной и теплом. Или же, когда Рыжик устраивал свои шумные забеги по двору, Шельма, хоть и не участвовала активно, с интересом наблюдала за его прыжками и кульбитами, иногда тихонько поскуливая, словно подбадривая друга.

Лето в нашей семье было особенным временем. Всё благодаря Рыжику, нашему любимому псу с густой огненной шерстью, которая к лету становилась настоящей гривой. Жаркие дни означали для него перемены. Мама, заботясь о друге, брала ножницы. Это был ритуал. Рыжик не отличался терпением: сначала скулил и пытался увернуться, но потом пони-

мал, что его ждёт облегчение. Шаг за шагом шерсть таяла, обнажая крепкое тело. Когда последний клочок оказывался на полу, мы замирали. Перед нами стоял новый Рыжик. Короткая, аккуратно подстриженная шёрстка делала его похожим на льва. Он гордо выпрямлялся, чувствуя царственную осанку. Рыжий окрас становился ярче, подчёркивая сходство с африканским хищником. Мы не могли сдержаться — смех наполнял дом. Подбегали к нему, обнимали, гладили короткую, приятную шерсть и продолжали смеяться. Рыжик понимал, что это не насмешка, а выражение нежности. Он вилял хвостом, облизывал нас, принимая восхищённые взгляды. Так каждое лето наш пушистый друг превращался в рыжего львёнка, а дом наполнялся смехом и любовью.

Каждый год отец уезжал в лес, и я, охваченный восторгом, постоянно просил его взять меня с собой. Мои просьбы оставались без ответа, словно тихий шёпот на фоне его лесных приключений. Но однажды это всё-таки случилось! Сердце билось от волнения, когда ранним утром, до восхода солнца, мы отправились в таинственную тайгу.

Солнце только начало золотить верхушки деревьев, когда мы — я, отец, его друг Тимоха и наша верная собака Шельма — сели в электричку. Она уносила нас всё дальше от городской суеты, к диким лесам. Отец и Тимоха мечтали о вечерних кострах и долгих разговорах под звёздами. Я, прижавшись к окну, ощущал, как воздух становится чище, наполня-

ясь ароматом хвои и влажной земли. Шельма, энергичная и любопытная, виляла хвостом, жадно втягивая носом новые запахи. Она словно чувствовала, что нас ждёт не просто поездка, а настоящее путешествие.

Впереди простиралась бескрайняя зелёная равнина, обещающая прохладу лесных троп, журчание ручьёв и, возможно, встречу с теми, кого обычно видишь только в книгах. Мы ехали в тайгу — место, где реальность сливается с мечтой, где каждый вдох наполнен свободой и свежестью.

Тяжёлый рюкзак давил на плечи, каждый шаг вверх по лесной тропе казался подвигом. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густые кроны вековых деревьев, рисовали на земле причудливые узоры. Воздух был напоён ароматом хвои и влажной земли, а пение птиц складывалось в умиротворяющую мелодию. Мы шли долго, безмолвные, погружённые каждый в свои мысли, но объединённые общим стремлением добраться до цели.

Ноги уже начинали ныть, а дыхание становилось прерывистым. Казалось, подъём не закончится никогда. И вот, когда усталость достигла своего пика, мы наконец вышли на небольшую залитую солнцем поляну. Вокруг раскинулся густой лес, а вдали виднелись склоны гор, уходящие в синеву неба.

Отец, оглядевшись, глубоко вдохнул свежий воздух и, обернувшись ко мне с довольной улыбкой, произнёс:

— Вот здесь будем ставить палатку.

Вдруг отец, словно вспомнив что-то важное, порылся в кармане старой куртки. Его пальцы, покрытые мелкими морщинками, выудили из темноты потёртую коробку спичек. Он достал одну, длинную, с красной головкой, и протянул мне.

— Вот, сынок, — сказал он, и в его голосе слышалась лёгкая усталость, но вместе с тем и ожидание. — Разожги костёр. Пусть он согреет нас и прогонит ночную прохладу.

Я взял спичку. Она казалась такой маленькой и хрупкой в моей руке, а задача — такой непосильной. Я не хотел огорчать отца. Но я понятия не имел, как это делается.

Я посмотрел на спичку, потом на отца. Его глаза, обычно полные тепла и заботы, сейчас смотрели на меня с той самой надеждой, которую я так боялся не оправдать. Он, наверное, думал, что я справлюсь. Что я уже вырос, что я уже умею. Сердце моё забилося быстрее. Я чувствовал, как ладони начинают потеть. Я не мог признаться ему, что не умею разжигать огонь. Мне было бы так стыдно. Я не хотел, чтобы он видел мою неумелость, мою детскую растерянность. Я сжал спичку крепче, и в тот момент, несмотря на страх, во мне проснулось какое-то новое, неведомое доселе чувство. Это было не просто желание угодить отцу. Это было желание доказать самому себе, что я могу. Что я не маленький мальчик, который ждёт, пока его научат. Что я могу сам, что я способен на что-то большее.

Я посмотрел на отца ещё раз. Он улыбнулся такой мягкой, ободряющей улыбкой. Эта улыбка придала мне сил. Она да-

ла понять, что даже если я не справлюсь с первого раза, это не конец света. Что отец рядом, что он поддержит.

И я, не говоря ни слова, сосредоточился на спичке, пытаюсь вспомнить каждое движение, каждый жест, который видел. Я знал, что сейчас мне придётся столкнуться с собственными страхами и неумением, но я знал и то, что хотел это сделать. Хотел разжечь этот костёр. Для него. Для себя. Для той маленькой искры надежды, которая только что зажглась в моём сердце. И в то же время эта миссия казалась мне всё более невыполнимой.

Я принялся за дело, собирая сначала самые мелкие веточки. Они были лёгкими, их было много, и я быстро сложил их в аккуратную горку. Затем я перешёл к более крупным, толстым веткам. Каждая из них требовала чуть больше усилий. Так, шаг за шагом я собирал дрова для нашего костра. Прикрыв спичку от ветра, я поднёс зажжённую головку к тщательно уложенной горке веток. Секунды ожидания, казалось, тянулись вечно. И вдруг — тонкая струйка дыма, потом робкий огонёк, который, набрав сил, превратился в трескучее пламя. Это было чудо! Ощущение триумфа захлестнуло меня. Я не мог сдержать восторга: я подпрыгивал на месте, расплываясь в счастливой улыбке, глядя на дело своих рук.

Подкинув в огонь ещё дров, я принялся расхаживать по округе, мечтая найти самую большую и душистую шишку, чтобы с гордостью вручить её отцу. Это было моё маленькое соревнование с самим собой, моя первая лесная охота.

Я бродил по незнакомым тропинкам, слушал пение птиц и шелест листвы. Вдруг моё внимание привлекло раскидистое, могучее дерево с кроной, возвышавшейся над другими. «На таком гиганте наверняка есть шишки», — подумал я и без колебаний начал карабкаться вверх. Ствол оказался крепким, а ветви — надёжными. Я оказался на толстой широкой ветке и осмотрелся. Лесная чаща простиралась до горизонта, утопая в золотистых лучах заходящего солнца. Я предвкушал сбор ароматных шишек, как вдруг...

Небо, ещё минуту назад ясное, начало стремительно темнеть. Свинцовые тучи затянули его, и первые крупные капли дождя забарабанили по листьям. Сердце ёкнуло. Я поспешил спуститься. Лучи солнца, казалось, тоже стремились побыстрее укрыться от надвигающейся стихии, и, когда мои ноги коснулись земли, лес погрузился в кромешную тьму. Ливень усиливался, превращаясь в потоп. Вода стекала по стволу, по моим волосам, застилая глаза. В этой непроглядной мгле не было видно ни зги. Знакомая тропинка исчезла. Я стоял один под проливным дождём в абсолютной темноте, не зная, куда идти. Лес, казавшийся приветливым, теперь пугал неизвестностью. Я стоял, охваченный тревожными мыслями, прислушиваясь к звукам вокруг.

Внезапно в памяти вспыхнула картина из детства: беззаботные каникулы, летний лагерь, момент тревоги и непослушания. Помню, как вожатые оставили меня одного, велев не двигаться с места, пока они не вернутся. «Никуда не уходи,

понял?» — прозвучал их наказ, но детское любопытство и жажда приключений оказались сильнее. Я не мог просто стоять и ждать. Что-то внутри меня требовало движения, новых впечатлений. Недолго думая, я оттолкнулся от земли и побежал. Куда? Не знаю. Просто бежал, увлечённый потоком собственных ощущений, не задумываясь о последствиях. Мир вокруг казался огромным и полным тайн, которые мне очень хотелось открыть.

Время шло, и я, увлечённый своими играми и открытиями, совершенно забыл о запрете. Когда же я наконец опомнился, то обнаружил, что вокруг никого нет. Солнце начало клониться к закату, и лёгкое беспокойство сменилось страхом. Я понял, что потерялся. И тут я услышал крики. Сначала тихие, потом всё громче и настойчивее. Меня искали. Искали те, кого я ослушался, и они, наверное, сильно волновались. Я стоял затаив дыхание, чувствуя, как сердце стучит где-то в горле. Этот момент, когда я понял, что мой поступок имел последствия и меня долго искали, остался в памяти как одно из самых ярких и поучительных детских воспоминаний.

Глубокая тишина леса нарушилась. Откуда-то издалека сквозь густые заросли до меня донёсся знакомый лай. Сердце ёкнуло — это была она, моя верная Шельма! Я сразу почувствовал облегчение. Не раздумывая я сорвался с места и бросился на её зов. Каждый шорох, каждый треск ветки под ногами лишь усиливал моё нетерпение. Наконец сквозь за-

весу деревьев я увидел её — Шельма, радостно виляя хвостом, неслась ко мне навстречу. Мы встретились, обменявшись радостью момента нашего воссоединения. Затем вместе, бок о бок направились к палатке. Последние угольки костра тускло мерцали, его тепло уже почти рассеялось.

Отец и Тимоха, уставшие за день, давно спали в палатке, их дыхание было ровным и спокойным. Я же, подойдя к костру, подкинул в него веток. Огонь ожил, его тепло мягко коснулось моего лица, согревая до самых костей. Насладившись этим последним драгоценным теплом, я почувствовал, как веки тяжелеют и пошёл спать.

Резкий голос Тимохи вырвал меня из сна:

— Собирайся быстро, уходим!

Это прозвучало как приказ, не терпящий возражений. Сердце забилось чаще, и я огляделся. Отца и Шельмы нигде не было. Не тратя времени на вопросы, мы с Тимохой быстро собрали наши пожитки, уложили палатку и, не оглядываясь, двинулись вниз по тропе, оставляя позади место, которое ещё недавно казалось нам убежищем.

Мы шли уже целый час, но горизонт оставался пустым. Этот час превратился в вечность, наполненную невысказанными вопросами и растущим беспокойством. Что могло случиться? Где отец? Я всматривался с лихорадочной надеждой в каждый поворот дороги, в каждый просвет между деревьями, но отца всё не было. Внезапно тишину разорвал настойчивый лай. Я узнал его сразу — это была Шельма. Сердце

ёкнуло. Не тратя ни секунды, я пустился бегом, направляясь к источнику звука. Вскоре я увидел её: Шельма металась у ног отца, который неподвижно лежал на траве. Её тревожное поведение говорило о чём-то очень важном, и каждый мой шаг отдавался нарастающим беспокойством.

Я смотрел на отца, и сердце сжималось от тревоги. Его взгляд был стеклянным, пустым, лишённым всякого понимания. Бледное, почти прозрачное лицо совсем не походило на то, которое я так хорошо знал. Казалось, он не видел ни меня, ни Тимоху, ни окружающего мира. Словно застыл, потерялся во времени.

Тимоха решительно подхватил отца и поставил на ноги.

— Надо идти, — твёрдо сказал он, — электричка скоро будет.

Под действием его слов и внимая нашему немому призыву, отец, шатаясь, двинулся вперёд. Каждый шаг по мокрым листьям и хрустящим веткам казался мучительным. Мы шли, и я украдкой наблюдал за ним. Постепенно, медленно, как будто отступая от невидимой пелены, отец стал возвращаться к нам. В его глазах затеплился слабый огонёк, отражающий свет лесных тропинок. Он начал узнавать.

Дверь электрички мягко щёлкнула. Поезд плавно тронулся. Я устроился у окна, пытаюсь унять странное, неведомое чувство, которое охватило меня с головой. Неужели я упустил что-то важное? Что-то, что должно было стать завершающим штрихом в этом и без того не совсем обычном при-

ключении с отцом.

Да, приключение. Лес, казалось, играл со мной. И теперь, сидя в вагоне, я чувствовал себя потерянным, будто ключевой элемент пазла выпал из моего сознания. Мой взгляд скользил по мелькающим пейзажам за окном, но картины расплывались, сливаясь в однообразную зелёную пелену. В голове царил сумбур. Отсутствие шишек, неожиданное окончание нашего с отцом путешествия и тягостное чувство неудовлетворённости — всё это сплеталось в тугой узел, оставляя меня в полном замешательстве. Я пытался разобраться, но мысли путались, как нитки. Что же на самом деле было целью этой поездки? Что я искал, кроме этих злосчастных шишек? И почему, несмотря ни на что, я чувствовал, что это было важно? Вопросы роились в голове, не находя ответов, и я погрузился в свои раздумья.

Глава 2

Я помню, как ещё вчера казалось, что мир стоит на месте. Серые панельные дома, одинаковые детские площадки и мы, дети, в неизменной школьной форме — коричневые платья для девочек, синие костюмы для мальчиков. Всё было предсказуемо, как восход солнца. Родители ходили на работу, мы — в школу, а дома нас ждали тёплый ужин и вечерние новости, где всё было гладко и ровно. Но потом что-то начало скрипеть. Сначала потихоньку, потом всё громче и громче. Слова, которые раньше звучали как далёкий гром, начали проникать в нашу жизнь. «Перестройка», «демократия», «гласность» — они звучали непривычно, будоражили, но мы, дети, ещё не понимали их значения.

А потом грянуло. Появилось ощущение, что привычный мир перевернулся. Стены, воздвигавшиеся десятилетиями, рухнули. Распад СССР был для нас не параграфом из учебника истории — нам довелось увидеть его воочию. Я помню, как мама впервые пришла домой с пустыми руками, без привычных пакетов с продуктами.

— Сокращение, — тихо сказала она, и в её глазах была растерянность, которой я раньше никогда не видела.

Отец тоже стал меньше времени проводить на заводе, а потом и вовсе перестал туда ходить. На работе, где он, казалось, был незаменим, вдруг появилось слишком много

«лишних» людей.

Для нас же одним из, казалось бы, незначительных, но ярких изменений, которое отчётливо показало, что пришли другие времена, стала школьная одежда. В один прекрасный день вместо привычной строгой формы мы увидели вокруг себя в классах пёстрое море. Девочки в ярких юбках и блузках, мальчики — в джинсах и футболках. Словно с нас сняли невидимые оковы. Сначала было непривычно, даже немного неловко, но потом пришло чувство свободы. Можно было выбирать, что надеть, мы могли выражать себя через одежду.

Тем временем предприятия, где трудились наши родители, либо закрывались, либо перестраивались, и это порождало тревогу. Поиск новой работы, освоение новых навыков — это стало частью их жизни, а значит, и нашей. Перемены казались слишком быстрыми. На улицах появились яркие вывески, на месте магазинов, где раньше были только полупустые полки, открылись новые. Всё стало другим. Казалось, будто вчера мы были частью единого, монолитного целого, а сегодня всё разлетелось на мелкие осколки, оставив нам лишь страх неизвестности.

В нашей квартирке, где когда-то звучал смех, теперь поселилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь урчанием пустых желудков. Не хватало не то что на мелкие радости, но даже на самое необходимое. Жизнь превращалась в марафон на выживание, а стыд и отчаяние сплетались в тугой узел в груди. Мысли о помощи мелькали, но тут же гасли. Протя-

нуть нам руку было некому. Родных, тех, кто мог бы поддержать, мы не имели. Родители были одни в этом мире — со своими проблемами, с нашим голодом. Каждый вечер, засыпая с пустым желудком, я мечтал о простых вещах: о полной тарелке горячего супа, о свежем хлебе, о том, чтобы больше никогда не слышать этого мучительного урчания, которое стало саундтреком нашей жизни. Мы верили, что когда-нибудь это закончится. Верили, потому что больше ничего не оставалось.

Брат отца, дядя Серёга, который двенадцать лет провёл в тюрьме, освободился. Он имел полное право вернуться в квартиру, ведь эта жилплощадь, унаследованная от нашего деда, принадлежала ему так же, как и всем нам.

Тот день, когда я впервые его увидел, до сих пор стоит у меня перед глазами. Встреча эта, признаюсь, была несколько неожиданной, ведь я ожидал увидеть кого угодно, но только не того, кто предстал передо мной. Мой папа — сильный и закалённый жизнью человек. Он всегда был для меня примером мужественности. От него исходила уверенность, которая, как я потом узнал, была следствием его нелёгкой судьбы. И потому я думал, что и на теле дяди Серёги будет множество татуировок, которые расскажут о его испытаниях. Я представлял себе его мощные плечи, покрытые разными узорами, и руки, где каждая линия будет как история. Но реальность оказалась совершенно иной.

Когда дверь открылась, на пороге стоял мужчина, который

абсолютно не вписывался в мои представления о бывшем заключённом. На нём не было ни единой наколки. Голова была покрыта густыми пепельно-русыми волосами, которые спускались ниже плеч, мягко обрамляя лицо. Они казались такими светлыми, почти как у славянских мифических героев. Но самым поразительным были его глаза. Они скрывались за огромными круглыми линзами очков, которые придавали ему почти академический вид. В них читалась какая-то тихая мудрость, задумчивость, которую я обычно связывал с людьми, посвятившими себя науке или глубоким размышлениям. В общем, вместо грозного зэка передо мной предстал человек, больше похожий на преподавателя биологии, который, стоя у доски, увлечённо рассказывает о строении клетки или о загадках морских глубин. Или на опытного бухгалтера, внимательно сверяющего цифры в толстой книге доходов и расходов. Это противоречие образа, который я нарисовал в голове, и реального дяди Серёги поразила меня. В первый момент я даже не мог поверить, что передо мной брат моего отца, человек, чья жизнь, как мне казалось, должна была оставить на нём более явные тёмные следы.

Но всё же Серёга не был учителем биологии, и с его появлением на наш дом, будто чёрная туча, обрушились беды. Всё началось с глухих, но настойчивых стуков в дверь. Незнакомцы с суровыми взглядами требовали вернуть деньги, которые, как оказалось, тот им задолжал. Они говорили о каких-то картах, о каких-то процентах, и каждый визит

оставлял в нас тревожный отпечаток, будто след от грязных рук.

Потом начали пропадать вещи. Сначала мелочи, что можно было списать на случайность. Но потом они стали исчезать с пугающей регулярностью: пропадали то отцовские инструменты, то просто дорогие для кого-то из нас предметы. Каждый раз, когда мы обнаруживали пропажу, в воздухе повисал невысказанный вопрос: «Это он?» Споры перерастали в крики, крики — в кулаки. Я часто просыпался от грохота, от тяжёлых ударов, от материнских слёз. Дядя Серёга стоял где-то в тени или, наоборот, был центром этого хаоса, а отец с искажённым гневом лицом пытался остановить его, а иногда и просто выпустить пар. Каждый день стал похож на прогулку по минному полю. Мы боялись, что каждый следующий шаг, каждое следующее слово приведут к новой беде. Серёгина тень падала на нас, а вместе с ней — страх, потери и невыносимая тяжесть. Мы теряли не только вещи, но и покой, уверенность в завтрашнем дне. Дом превратился в место непрекращающихся разборок, причиной которых так или иначе становился брат отца.

Однажды, вернувшись из школы, я, как обычно, уединился в своей комнате. Мой отец, Серёга и Тимоха азартно играли на кухне в карты, и их оживлённые голоса смешивались с шелестом тасуемой колоды. Вдруг раздался настойчивый стук в дверь. Я не раздумывая направился открывать. На пороге квартиры стояли двое мужчин в форме милиционеров.

Сердце ёкнуло. Не успев вымолвить ни слова, я инстинктивно захлопнул дверь и как ошпаренный влетел на кухню.

— Менты! — воскликнул я, стараясь перекрычать царивший там шум.

Тотчас же воздух на кухне словно загустел от напряжения. Игроки, мгновенно сообразив, что происходит, не стали терять ни секунды. Втроём, словно единый организм, они метнулись к окну и, не задерживаясь, выпрыгнули наружу.

Треск ломающейся двери заставил меня вздрогнуть. Звук был резким, агрессивным, словно кто-то пытался прорваться сквозь тишину квартиры. Сердце забилося где-то в горле, и я инстинктивно сжался в углу, пытаясь стать невидимым. Шаги. Тяжёлые, уверенные, они звучали всё ближе, заглушая даже моё испуганное дыхание. В квартиру ворвались люди. В форме. Их фигуры, казалось, заполняли всё пространство, а их взгляды, скользящие по стенам, по мебели, искали что-то или кого-то. Я чувствовал их присутствие, как холодный сквозняк, проникающий под кожу. Они осматривали комнату, их голоса звучали глухо, но я различал в них напряжение и разочарование.

— Никого, — прозвучало наконец. И тогда их внимание переключилось на меня.

Я сидел забившись в угол и чувствовал, как их взгляды пригвоздили меня к полу. Испуг сковал всё моё тело, я не мог пошевелиться, лишь глаза мои, широко распахнутые, следили за ними. Один из них, самый крупный, с жёстким

лицом, сделал шаг вперёд. Его рука взметнулась, и я увидел блеск дубинки, направленной прямо на меня. В этот момент я закрыл глаза, ожидая удара. Но его не последовало.

— Поймай, — послышался другой, более спокойный голос. — Не трогай. Он ещё ребёнок.

Я почувствовал, как тяжесть свалилась с моих плеч, хотя боялся открыть глаза. Затем ощутил, как кто-то наклонился ко мне. Не грубо, но настойчиво. Я рискнул приоткрыть веки.

Надо мной склонилось лицо. Мрачное, строгое, но без той агрессии, что я чувствовал мгновение назад. И тут милиционер низким, угрожающим голосом произнёс слова, которые врезались мне в память:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.